

ТАРАС
ТЕРНИ

БДЕЛИНО
СЧАСТЬЕ

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Тарас Терни

Емелино счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68486611

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказка на новый лад о том, как лентяй Емеля жену выбирал, и как лень сыграла с ним злую шутку.

Тарас Терни

Емелино счастье

Жил на краю Залесья Емеля Лентяй со старшими сестрами. Родители не успели девок замуж выдать, а брату они как будто и не мешали. Старые девы были хороши собой, в меру трудолюбивы, но бесприданницы.

– Вставай, Емеля, сходи за водой. Мы коров накормили, молока надоили, кашу сварили, пирогов испекли с капустой, а воды в самовар ни капли не осталось.

– Совсем обленились девки, до реки два шага, а мне поспать не дают, – заворчал Емеля, но с печи слез.

Накинул наскоро тулуп старый, застегнуть пуговицы поленился, валенки на босу ногу надел и пошел. Спустился под гору, черпнул в проруби воды, мутная вода оказалась. Нахмурился Емеля, выливать не стал, наклонялся же за ней. Но решил подождать минутку перед тем, как второй раз зачерпнуть: вдруг муть сама на дно уляжется. Да только вода еще темнее в ведре оказалась и плескалась, будто в реку ей хотелось. Вздохнул Емеля, лучше вылить воду и с одним ведром вернуться, чем на грязь такую силушку свою тратить.

Стал выливать, а из ведра щуренок вывалился.

– Эко чудо, пошел за водой для чая, а принесу на уху!

– Отпусти сына моего в воду, добрый молодец. Я одарю тебя щедро.

Удивился Емеля голосу незнакомому, обернулся, а из проруби щука на него смотрит глазами грустными. Зажмурился – щука не пропала, глаза потер – щука все там же, снегом умылся – рыба на месте и снова свою просьбу повторила. Жалко ему стало рыбу-мать, да и щуренок был еще мал, не наваристый. Отпустил он его в воду.

– Спасибо, добрый молодец! – сказала щука. – Возьми это колечко. Не простое оно, а волшебное. Если на палец наденешь, повернешь два раза и скажешь: «По щучьему велению, по моему хотению...», то любое желание исполниться может. Надо лишь в желание свое верить и хотеть по-настоящему.

Поклонился Емеля щуке, колечко их руки в руку переложил, на прочность проверил. Эх, была не была! Повернул кольцо и загадал:

– По щучьему велению, по моему хотению наливайся чистая вода в ведра, и пусть они сами домой идут.

Подивились сестры чуду, когда ведра вперед Емели в избу вошли и дверь за собой закрыли. Налили воды в самовар, углями растопили, и вышел чай вкуснее, чем обычно.

– Молодец братец, хорошей воды принес!

Жить стали хорошо, есть вкусно, да только сестры все больше просили, все меньше делали, и стали часто убегать к подружкам на гуляния. Проснулся как-то Емеля вечером, дома никого, печь остывает и поесть нечего. А с улицы смех сестричек слышен, на санках катаются.

– Вот лентяйки, совсем на шею сели. Жениться мне надо, а то я им уже не указ. Жена любить меня будет, одного в холодной избе не бросит.

Повернул Емеля колечко:

– По щучьему веленью, по моему хотенью пусть влюбится в меня самая красивая девушка деревни.

С того дня заладила к ним в гости подружка сестер с соседней улицы. Лицом не дурна, умом не обделена, только фигуристая слишком – все при ней, но на руках такую далеко не унесешь. И приставучая: Емеля да Емеля, слезь да слезь с печи. С утра до вечера вокруг крутится, глазки строит, сестрам помогать навязывается, а у Емели на нее глаза не глядят, хоть и правда она из незамужних односельчанок самая красивая осталась.

Выбрал он момент, когда был один, повернул колечко:

– По щучьему веленью, по моему хотенью пусть влюбится в меня самая завидная невеста округи, а Клавка пусть разлюбит и дорогу в наш дом забудет.

На следующий день понеслись из царского дворца посланники во все стороны, на площадях городов и деревень волю царскую зачитывали голосами громкими. Искали они Емельяна двадцать пять годов от роду, с волосами светлыми, глазами карими. За поимку его награда обещалась неслыханная.

Испугался Емеля, догадался. Дочка царская была не замужем, но не клевали принцы на большое приданое. Уезжа-

ли восвояси, убедившись, что не ошибся художник, который портрет писал. Была царевна стройна до крайней худобы, как царица-мать, ростом высока, как царь-отец, а лицом ни в отца, ни в мать не пошла. До того была непривлекательной, что люди в сторону взгляд отводили.

Недолго думая, Емеля повернул колечко на пальце и сказал:

– По щучьему веленью, по моему хотенью пусть полюбит меня девушка молодая, с лицом прекрасным, с фигурой стройной и с приданым, а царевна пусть разлюбит.

Влюбилась в Емелю купеческая дочь из соседнего села. Все разговоры в округе были одним: что купец Елисеев в беде большой, дочь его посуду всю в доме перебила, папеньке и маменьке жить спокойно не дает, замуж просится. Заставь, говорит, на мне Емелю из Залесья жениться, дом нам отстрой большой, чтобы я с ним не в избе старой жила.

– Эдак она и меня заставит с печи слезть, – забеспокоился Емеля и повернул колечко. – По щучьему веленью, по моему хотенью пусть и дочь купца Елисеева меня разлюбит.

Надоели Емеле щучьи шутки. Слез он с печи и пошел в прорубь воду мутить.

– Выходи щука, разговор есть!

Когда помутнела вода в проруби до черного, поднялась над водой щучья голова.

– Здравствуй, добрый молодец! Что ж ты воду мутишь?

Али случилось чего?

– Случилось! Жениться я решил, а колечко твое мне невест подсовывает, от которых спрятаться в лесу дремучем хочется. Сломалось оно!

– Не могло оно сломаться, желания оно исполняет в точности. А знаешь ли ты, чего хочешь на самом деле? Говори точнее, – посоветовала щука и уплыла.

Долго ругался Емеля у проруби. А потом задумался, как кольцу объяснить, что такое красота? Решил он вылепить невесту на свой вкус. Слепил снежную бабу. Посмотрел со стороны. Толста. Сделал талию осиную, где надо – добавил, где не надо – убрал. Над косой трудился, пока терпение не кончилось. Сбегал за угольком, глаза нарисовал. Хороша девка получилась.

Жаль характер нарисовать нельзя. Но смекнул Емеля, как трудолюбие изобразить. Принес из дома веретено, вложил в руку снежной бабе и повернул колечко:

– По щучьему веленью, по моему хотенью пусть влюбится в меня такая же красивая девушка как эта снежная баба, трудолюбивая и характера ладного.

Вдруг налетел ветер, сбил парня с ног да заставил на миг зажмуриться. Выронил Емеля колечко, охнул, стал искать его. И вдруг увидел девушку на месте снежной бабы, стройная, красивая, с золотой косой до пояса и глазами цвета ясного весеннего неба. Настолько прекрасная, что про колечко потерянное он в тот же миг забыл.

Поклонилась ему красавица в знак приветствия, подошла, взор потупив, отряхнула снег с воротника его. И мечтать он не мог о такой невесте.

– Как зовут тебя красна девица?

Промолчала девушка.

– Буду звать тебя Снегурочкой. Люб ли я тебе?

– Люб.

– Вот и славно. Значит быть свадьбе!

Привел он невесту в дом.

– Сестрички, свадьбу готовить будем. Женюсь я!

Сестры переглянулись, насторожились, что жениться братец решил на бесприданнице. Вопросов к Снегурочке было много, не на все она отвечала, но ругать невесту брата было не за что, и сердца их оттаяли.

– Как же мы будем жить в тесноте такой? Давай сначала замуж твоих сестер выдадим, – сказала Снегурочка.

– Да кто ж их возьмет? Приданого у них нет.

– Готовь сундуки, я сотку им приданое всем на зависть.

Целыми днями лежал Емеля на печи, а Снегурочка ткала. Пряжу делала из снега пушистого. Крутилось веретено, постукивал ткацкий станок, росла стопа простыней белоснежных. Для узоров собирала рябину, что на снег птицы насорили, да хвою зеленую, через неделю высока стала стопа сарафанов узорчатых.

Как прошел по деревне слух, что сестры Емельяновы теперь с приданным, так и сваты в дверь постучали. Сначала

сыграли свадьбу младшей сестры и отставного военного. Потом свадьбу старшей сестры и молодого вдовца.

Остались в доме только Емеля и Снегурочка.

– Пора и нам свадьбу играть!

– Мне для свадьбы благословение батюшки нужно. Без приданого да на полатях спать он меня не отпустит. Пока я тку для себя приданое, сделай нам кровать дубовую, жарко мне на печи.

Хотел Емеля колечко повернуть, а нет его. Плотничать он не умел, денег у него не было. Но не привыкать парню деревенскому выкручиваться. Пошел он в сарай, нашел две лавки старые, внес в избу и наложил на них доски, лучшие из тех, что по двору собрать смог. Дело сделано, можно и на печи полежать.

Позвал вечером Емеля невесту:

– Солнце село, пошли отдыхать. Пока застелить постель нечем, ложись со мной на печи спать.

– Жарко мне на печи, а кровать твоя вся качается, доски старые, ножка одна подломилась. Я на лавке спала, на лавке и сегодня спать лягу. А завтра сходи в лес, привези дуб, смастери кровать, как положено.

Долго ткала Снегурочка, не дождался ее Емеля, заснул.

На следующий день поправил он ножку подломленную, оторвал от забора доски свежие сосновые, гвоздями прибил их, поленился в лес идти. Позвал вечером Емеля невесту:

– Солнце село, пошли отдыхать. Пока застелить постель нечем, ложись со мной на печи спать.

– Жарко мне на печи, а кровать твоя смолянистая, испортим приданое на ней. Негде нам вместе спать, на лавке я спать лягу. Завтра сходи в лес, привези дуб, смастери кровать, как положено.

Долго ткала Снегурочка, обиделся Емеля и не стал ее ждать, заснул.

Проснулся Емеля не в настроении. Шутки шутит с ним красна девица. От зари до зари трудится, спящей ее не видел ни разу, на ласку скупа, просьбами засыпала. Целый день он с печи не спускал ног, даже обед попросил на печь подать. То дремал, то думы тяжелые по мягкой подушке с боку на бок перекачивал.

Еле дождался Емеля вечера. Как только стемнело, позвал невесту:

– Солнце село, пошли отдыхать. Ложись со мной на печи, коли люб тебе.

– Люб ты мне, но жарко на печи. В лес ты три дня собираешься, приданое почти готово, а кровати так и нет, чтобы перину положить и застелить простынями белоснежными.

Долго лежал Емеля без сна, так как за день выпался. Беспокойно спал, все ворочался. И проснулся он раньше обычного, с первыми петухами. Увидел, что заснула Снегурочка, сидя на лавке да голову на стол положив. Стыдно ему стало,

что невесте не помогал, не заботился.

– Что ж ты, девица, вся измаялась... Отдохнуть тебе надобно.

Спустился Емеля, взял невесту на руки и отнес на печь отдыхать.

Зарумянилась Снегурочка, заворочалась. Жарко ей на печи.

Открыла глаза, а они не синие больше, прозрачными стали, как вода родниковая.

– Что ж ты наделал, Емеля... Заберет теперь домой меня батюшка мой Морозко.

И растаяла.

С той поры, если надо кому сундук для приданого или кровать резную дубовую, те едут в Залесье к Емельяну Плотнику. С весны по осень он трудится, не покладая рук. Дивятся люди его трудолюбию, детям в пример ставят. А зимой, говорят, он по лесу ходит, ищет Морозко, чтобы к дочери его посвататься.

Обложка: генерация в нейросети Dream Wombo по авторскому запросу.